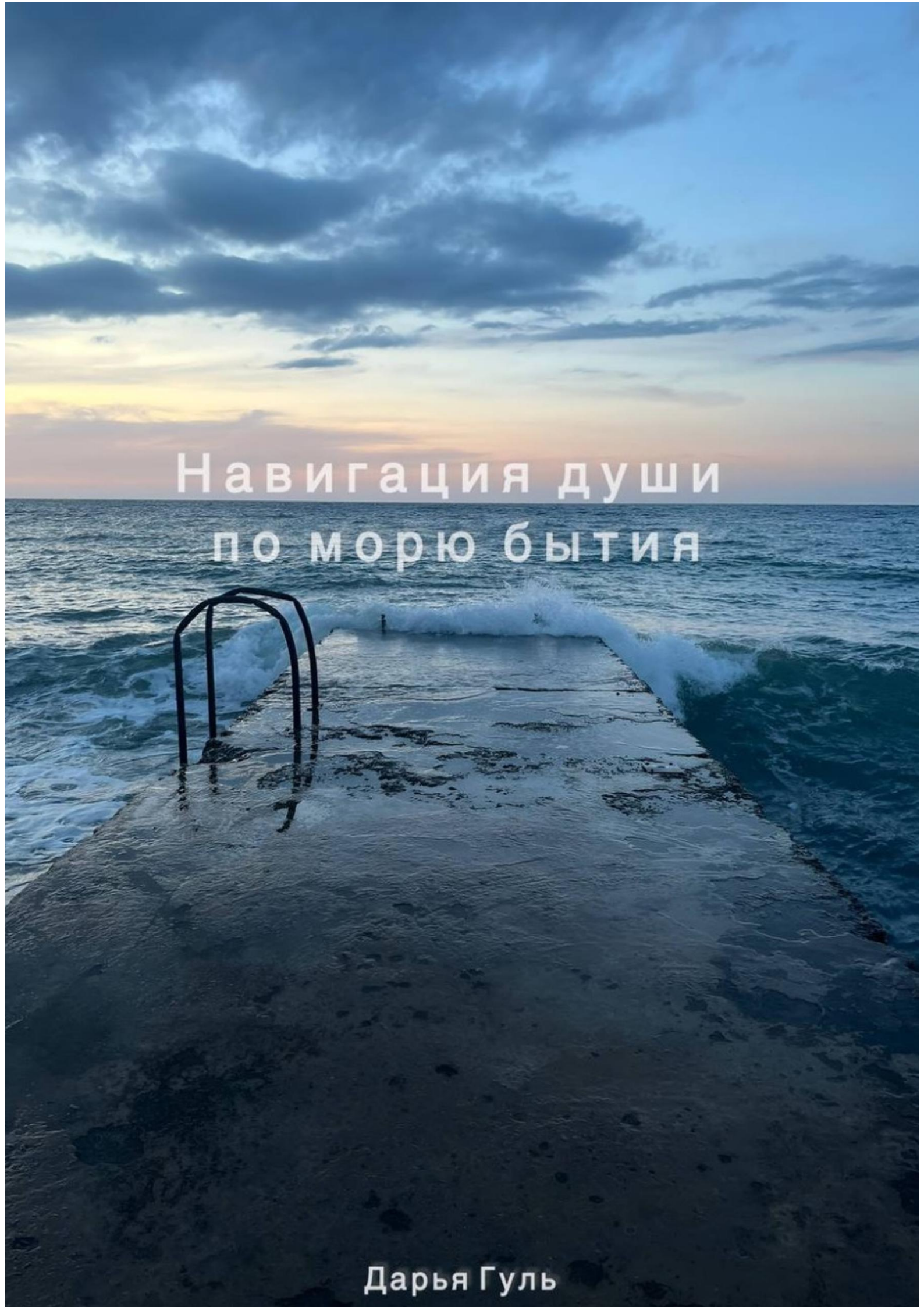

Навигация души по морю бытия

Дарья Гуль

Дарья Гуль

Навигация души по морю бытия

«Автор»

2026

Гуль Д.

Навигация души по морю бытия / Д. Гуль — «Автор», 2026

В море повседневности мы часто скользим по поверхности, боясь нырнуть вглубь. Мы разучились слышать эхо собственных мыслей и видеть отражения истин в тихой обыденности. Эта книга — не просто сборник рассказов. Это приглашение к самому отважному плаванию — внутрь собственной жизни. Каждая история здесь — словно волна: то ласковая, то обжигающе-холодная, сбивающая с ног ураганом неожиданной развязки. Это приливы и отливы чувств, где на берег вашего сознания вместе с морской пеной будут выносить то осколки разбитых надежд, то драгоценные раковины чего-то знакомого. Одни рассказы заставят вас замереть и прислушаться к тишине между строк. Другие — просто расскажут о жизни, такой разной, соленой на вкус и бесконечной, как горизонт. Не ищите здесь готовых ответов — ищите отголоски своего «я». Откройте книгу, вдохните поглубже и позвольте этим историям увлечь вас в то самое внутреннее море. Возможно, на очередной странице вы встретите самого себя — затерянного, но помнящего дорогу домой.

© Гуль Д., 2026

© Автор, 2026

Дарья Гуль

Навигация души по морю бытия

Пролог

Бывают места, которые не просто находятся на карте. Они – в тебе. Вы закрываете глаза, и вот оно: солёный ветер, вгрызающийся в кожу, оглушительный рёв прибоя, растворяющий все мысли, и бесконечный, бездонный горизонт, манящий и пугающий одновременно.

Море.

Но это море – не снаружи. Оно внутри. Оно бушует в тишине моего сердца, его приливы и отливы диктуют ритм моей крови, а в его глубинах таятся затопленные корабли старых обид и несбывшиеся мечты, похожие на жемчужины и причудливые камни. Иногда оно спокойно, почти стеклянно, и тогда я могу разглядеть своё дно – песок воспоминаний, пронизанный солнечным светом радости. А иногда налетает шторм, чёрный и яростный, крушащий всё на своём пути. Он рвёт якоря моей веры и швыряет мой разум, как щепку, в водоворот безумия.

Эта книга – попытка нанести на карту те неизведанные территории, что зовутся душой. Это дневник скитаний по её внутреннему морю. История о том, как я училась слушать его шёпот в затишье и не сломаться под напором его ураганов. О том, что у каждого из нас есть своё море – со своими бухтами спокойствия, подводными течениями страха и таинственными островами надежды.

И если эти слова отзовутся лёгким эхом, зовущим душу из глубин вашего моря, значит, вы уже слышите.

Значит, вы уже в пути.

Поверьте, самое большое путешествие – не через океаны, а внутрь себя. Пришвартуйтесь у этого берега. Прислушайтесь. И сделайте первый шаг в воду. Она помнит всё.

Мой самый сильный ураган

Она ждала его, как ждут прилива – того самого, что начнёт набегать на песок ровно в предсказанную звёздами минуту. В своём сердце, этом внутреннем маяке, она зажгла огонь и направила его луч на чёрную прорезь горизонта, выискивая обещанный парус. Каждый вечер она приходила на один и тот же мыс, неся с собой не просто надежду, а целый мир, свёрнутый в свиток их общих будущих дней. В нём были прописаны шёпот при встрече, тепло рук и шум волн за его спиной. Но у моря нет расписания.

Оно – живое, дышащее существо, со своим нравом и характером. Оно отвечало ей не парусом, а густым туманом, в котором тонули все очертания и её надежды. Не шёпотом, а оглушительным рёвом шторма, бьющегося о скалы. Оно присылало вместо него лишь намёки: странную ракушку, белый камень похожий на сердце или красивый коралл.

Море, будто всегда рассказывало и напоминало про него.

А бывало: внезапный штиль, заставляющий прислушаться к собственному стуку сердца в такт тишине.

И её ожидание, сначала хрупкое, как пергамент, начало меняться. Оно закалялось, как сталь. Она перестала вглядываться в пустоту, пытаясь угадать его очертания. Вместо этого она

научилась слушать песню волн – и услышала в ней его имя. Она смотрела на путь луны по воде – и видела в нём дорогу, по которой он придёт.

Она поняла, что их встреча – это не точка на карте, куда он должен прибыть.

Это – мучительное ожидание и принятие, бессонные ночи, шторм, через который они должны пройти.

Его корабль и её берег уже были частью одного целого, дыхания, одного огромного организма по имени море.

И однажды, когда ветер сменился и принёс с собой запас дальних странствий, она увидела корабль – она ощутила его приближение каждой клеткой своей души, как океан ощущает притяжение луны. И когда его лодка наконец коснулась песка, не было крика, нетерпения, суеты. Было молчаливое узнавание. Он сошёл на берег, и его объятие оказалось не началом чего-то нового, а возвращением давно знакомой стихии. Её ураган.

Оказалось, что она ждала не только его. Она ждала часть себя, которую он увёз с собой в море. И теперь, когда их сердца бились в одном ритме, море внутри и море снаружи наконец слились в полную, совершенную тишину, где больше не было места ожиданию, а было только бесконечное, длящееся настоящее.

Ты моя вечно любимая ошибка 1

Она собирала его по осколкам пытаясь понять полностью. Взгляд, задержавшийся на секунду дольше положенного. Случайное касание пальцев, когда он передавал жвачку. Фраза «ты сегодня хорошо выглядишь», брошенная между делом – возможно, признание, а возможно, дежурная вежливость, от которой хочется выть.

Он был прекрасен в своей недостижимости. Как то что ты отчаянно желаешь, но не можешь взять. Она примеряла на себя его возможные чувства, как платья в примерочной кабинке без зеркал – вслепую, наугад, надеясь угадать, идёт ли ей это дурацкое «он, кажется, мной интересуется» или «безнадёжно».

Когда он ушёл (а разве могло быть иначе?), она решила заняться генеральной уборкой души. Выкинуть весь этот хлам недоказанности, эти фантомные боли, эти вопросы без ответов. Она выдирала его из себя с корнем, с мясом, оставляя кровавые борозды. «Я тебя забуду, – шептала она в подушку по ночам. – Я выжгу тебя калёным железом. Ты станешь просто именем, просто лицом, просто кем-то, кого я когда-то знала».

Легче не становилось.

Потому что как забыть вопрос, который никогда не имел ответа? Как выбросить человека, который даже не был твоим?

Самое дешёвое, самое пошлое терзание – это надежда. Дешевле не бывает.

Она продаётся на каждом углу, в каждой песне в чартах, в каждом фильме, где герой в последнюю минуту всё-таки догоняет героиню. Она покупает эту надежду снова и снова, хотя прекрасно знает: её товар – просрочка.

Годен до того самого дня, как он впервые равнодушно прошёл мимо.

Она перестала плакать на восемьсот семидесятый день. Просто однажды утром проснулась и поняла: сухо. Пусто. Ничего не болит. «Сработало», – подумала она с холодным удивлением, как думают о выздоровлении после тяжёлой болезни. Она даже позволила себе маленькую гордость: я смогла. Я молодец. Я сильная.

А потом был этот вечер.

Обычный, серый, ничем не примечательный вечер. Она зашла в магазин, после работы за кофе, стояла в очереди, листала ленту. И вдруг – его фото у кого-то в друзьях. Метка. Он на какой-то вечеринке, небритый, уставший, с бокалом в руке, в тех самых очках, которые всегда ему добавляли излишней строгости, смотрит прямо в камеру. Смотрит на неё сквозь экран, сквозь время, сквозь все её с таким трудом выстроенные стены.

И сердце сначала остановилось, а потом рухнуло вниз с такой высоты, что, кажется, разбилось вдребезги.

«Нет, – закричала она внутри себя. – Нет! Ты же умер! Я тебя убила! Я тебя похоронила! Убирайся!»

Он не убрался.

Он стоял перед её мысленным взором и смотрел. Просто смотрел, как тогда, в те самые секунды, которые она коллекционировала, как марки. И она поняла, что все эти

восемьсот семьдесят дней – самообман. Она не вылечилась. Она просто научилась жить с болью, загнала ее глубоко внутрь, заморозила. А он пришёл и разморозил.

Это была любовь вопреки. Вопреки здравому смыслу, вопреки гордости, вопреки тому, что он, возможно, никогда ничего не чувствовал. Это была самая дурацкая, самая бесперспективная, самая унижительная любовь на свете – любовь к человеку, чьи чувства оставались для неё запечатанным конвертом, который она не имела права вскрыть.

Она вышла из магазина без кофе. Села на лавочку в сквере, хотя было холодно. В голове шумело.

«А что, если я его просто развлекала? – думала она, глядя на темные деревья. – Что, если для него я была просто тенью, просто кем-то из толпы? Что, если он никогда не задерживал взгляд дольше положенного, а мне это просто казалось, потому что я смотрела на него слишком долго?»

Телефон завибрировал. Сообщение с незнакомого номера.

«Я знаю, что это глупо. Я четыре года собирался с духом. Ты простишь меня за то, что я так долго молчал?»

Она перечитала три раза. Потом ещё три. Пальцы дрожали так, что экран расплывался.

Кто это? Ошибка? Розыгрыш? Или...

Или этот конверт всё-таки можно вскрыть?

Сердце колотилось где-то в горле, отдаваясь пульсом в висках. Мир сузился до светящегося прямоугольника в руках. Она представила его лицо, когда он писал это. Хмурился? Кусал губы? Сомневался так же, как она сомневалась все эти годы? В голове билась одна единственная мысль, глупая, отчаянная, полная той самой дешёвой надежды, которую она так презирала:

«А вдруг?»

Она подняла глаза к темному небу, где между деревьев запуталась одинокая звезда. Где-то далеко, в другой части города, человек, которого она не смогла забыть, возможно, смотрел сейчас на ту же звезду и ждал ответа.

Или не ждал.

Или это просто ошибка, и завтра окажется, что сообщение предназначалось другой, а ей – снова собирать себя по осколкам.

Она посмотрела на экран. Пальцы замерли над клавиатурой.

Ветер трепал волосы, пробирал до костей, но она не чувствовала холода. Там, внутри, снова полыхал пожар, который она столько времени пыталась затушить. И вопрос, мучивший её годами – «чувствовал ли он вообще что-нибудь?» – висел в воздухе, готовый рухнуть либо райским яблоком, либо проклятием.

Верю, вверяю, доверяю

Есть особая география души, где не нужны карты и компас. Ты просто идёшь, и знаешь – пейзаж за поворотом будет прекрасен, даже если это будут суровые горы или туманная долина. Ты не вслушиваешься в каждый шорох, не вглядываешься в горизонт в поисках угроз. Ты просто дышишь воздухом этого мира и чувствуешь его твердь под ногами.

В этом путешествии нет места страху заблудиться. Ведь даже если тропа исчезнет, есть тихая уверенность, что рука, которую ты держишь, не дрогнет, а взгляд, устремленный с тобой в одну сторону, поможет найти новую дорогу. Это не слепая вера, а глубокое, почти интуитивное знание: твой спутник так же чутко слышит музыку пути и так же верно выбирает направление. Самая большая роскошь – это не огни большого города, а тишина, которая не бывает пустой. Та тишина, что возникает между двумя людьми, когда не нужно заполнять паузы оправданиями, доказательствами или вопросами. В этой тишине нет напряжения, в ней есть только покой. Как если бы твой дом имел не стены, а невидимый, но несокрушимый купол, укрывающий от любого ненастья. Ты не проверяешь замки на дверях каждую ночь. Ты просто ложишься спать с чувством, что мир надёжен. И это чувство рождается не из-за прочности дверей, а из-за уверенности в том, кто делит с тобой это пространство.

Мои не мои коты

У меня есть карта местности, на которую не нанесено ни одно официальное название. На ней отмечены пунктирные тропы и незванные звёзды. Эти звёзды – коты. Мои коты. Те, что светят мне из чужих окон, с подоконников соседних домов, с капотов припаркованных машин.

Мне нельзя их заводить. Нельзя – это не про запрет в договоре или чихание. Это про что-то другое, глубинное, сидящее в костях. Про страх, что моя тоска, как океан, может захлестнуть маленькое пушистое существо. Про уверенность, что я не смогу стать для кого-то целым миром, когда мой собственный мир так часто даёт трещины.

Но я могу любить их на расстоянии. Это моя особая форма любви.

Вон, в окне напротив, на третьем этаже, живёт белая Тучка. Хозяйка сажит её на подоконник, и она статна как фарфоровая ваза. Она часами сидит там, за стеклом, наблюдая за голубями и проходящими людьми. Иногда, когда вечернее солнце падает на неё под определённым углом, она превращается в сияющее солнце. Я поднимаю взгляд с книги, встречаю её безразличный взгляд и подмигиваю. Она в ответ медленно закрывает глаза. Это наш ритуал. Мы разделяем тишину через улицу, два одиноких острова в море вечерних огней. А в подвале дома 1К1 обитает Уголёк. Он не любит людей, но терпит моё присутствие. Я приношу ему еду и кладу на кирпич у вентиляционной решётки. Потом отхожу и стою, глядя, как сумерки окрашивают небо в цвет его шерсти. Он выходит не сразу. Сначала появляется только пара горящих янтарных точек из темноты.

Потом – вся его тёмная, стремительная фигура. Он ест, бросая на меня настороженные взгляды. Я не двигаюсь.

Для него я – не человек, а просто часть пейзажа, странное дерево, которое приносит еду. И в этой роли есть особая честь, и я доблестно несу свою службу, пушистому комку.

Но самая большая звезда на моей карте – это Мурзик, кот из дома моих родителей. Он мой самый старый и настоящий друг. Он принадлежал ветру, дождю и самому себе. Когда я приходила, он выходит ко мне из-под кустов, как посол дикой природы. Он жил во дворе, нашего частного дома. И был постоянным гостем на летней кухне. Он был и домашним и свободным одновременно. Я рассказывала ему о своих бедах, а он, кажется, слушал кончиками

своих подтрёпанных ушей. Однажды он ткнулся мокрым носом в мою протянутую ладонь. Он часто лежал на моих ногах и громко мурчал. Когда мне было плохо он находил меня сам. Чёрный, как самая тёмная ночь и самый лучший, на свете кот. В моём море был очень сильный шторм, когда Мурзика не стало.

Я возвращаюсь домой. Моя квартира чиста, тиха и пуста. В ней нет шерсти на диване, нет сбитых со стола стаканов, нет мурлыканья, наполняющего комнату тёплым током жизни. Но на моей карте горят звёзды. В окне напротив дремлет Тучка. В подвале дома 1К1 Уголёк сторожит свою территорию. В моей душе Мурзик сворачивается калачиком на моих ногах. Я не могу прижать их к себе. Не могу дать им имя, которое они бы носили. Но я знаю, что они есть. И моя любовь к ним – тихая, ненавязчивая, не требующая ничего взамен – похожа на свет далёкой звезды. Он не греет, но он ведёт. Он напоминает, что даже в самом одиноком небе есть другие огни. И этого достаточно, чтобы не заблудиться в темноте. Надеюсь этот свет ведёт Мурзика на небо.

Свидетель

Я всегда любила этот сквер осенью. Воздух прозрачный, холодноватый, и каждый звук – от далёкого гудка машины до шелеста листьев под ногами – слышен так отчётливо, будто мир натянут, как струна. Я сидела на своей привычной скамейке, пила кофе из термоса и смотрела, как день медленно сгорает, окрашивая небо в сиреневые и медные тона.

Их я заметила не сразу. Сначала это было просто движение на периферии зрения – два силуэта в вечернем сквере. Но что-то в их общем ритме, в том, как они несли это пространство между собой, заставило меня присмотреться.

Они были молоды. Ему, наверное, лет двадцать, ей – чуть меньше. И они не целовались, не обнимались страстно. Они просто шли. Он нёс два пакета с продуктами, а её маленькая сумочка болталась у него на сгибе локтя. Это была первая деталь, которая меня тронула – эта принятая тяжесть её мелких вещей.

Они остановились прямо напротив меня, у памятника, где голуби расхаживали в надежде на угощение. Девушка что-то оживлённо рассказывала, размахивая руками, а он смотрел на неё.

О, этот взгляд!

Он не просто слушал. Он впитывал. В уголках его глаз собрались лучики смешинки, а всё лицо было повернуто к ней. Он ловил каждое её слово, каждую перемену в выражении лица, и казалось, что в этот момент для него не существует ничего важнее её истории о соседке, которая вечно читала книги под тусклой лампой. Потом она замолчала, посмотрела на голубей и вздохнула. Он, не говоря ни слова, протянул ей пакет. Она порылась внутри и достала смятый багет. Они стали ломать его и бросать крошки птицам.

Это было их маленьким, никому не известным ритуалом. Он сказал что-то тихое, она рассмеялась, и звук её смеха был таким же звонким и чистым, как осенний воздух. А он просто смотрел в её голубые глаза.

И вот тогда это случилось. Во мне не возникло ни капли зависти, ни горькой мысли о том, что мне это недоступно. Вместо этого по моей душе разлилось странное, огромное чувство радости. Чистой, безотчётной радости за них.

Я смотрела на них, как на живой огонь в камине холодным вечером. Ты не владеешь этим огнём, не можешь прикоснуться к нему, но его тепло согревает всю комнату, и тебе хорошо просто от того, что он есть. Их счастье было таким же – самодостаточным и щедрым. Оно не требовало моего участия, но озаряло и мой уголок этого потемневшего сквера. Он взял её

за руку, не ища её пальцев, а просто обхватив её ладонь – уверенно, по-хозяйски. И в этом жесте была не страсть, а обещание: «Я здесь. Я с тобой». Он прижал её к себе пройдясь рукой по длинным чёрным волосам. Они пошли дальше, их силуэты растворялись в сгущающихся сумерках.

Я допила свой остывший кофе. Внутри было тихо и светло. Мир, оказывается, становится добрее и целостнее, когда где-то в нём, на осенней аллее, двое молодых людей идут домой, неся в одной сумке продукты на ужин, а в другой – своё общее, хрупкое и прекрасное будущее. А ты, случайный свидетель, становишься тихим хранителем их тайны. И этого более чем достаточно для счастья. Эта любовь, стала ещё одним корабликом, в моём море.

Горьковатое тепло

Горячий островок в океане ночи. Руки смыкаются вокруг керамического тепла, и это единственная точка соприкосновения с реальностью. Кофе ночью – это не кофеин, это медитация. Аромат, который пьёшь носом, горьковатый вкус на языке, пар, рисующий узоры в темноте. Это момент, когда время замедляет свой бег, позволяя душе нагнать уставшее за день тело.

Кофе – это не просто напиток. Это церемония прощания с утренней нежностью и приготовление к дню, полному вызовов. Он дал нам заряд, а мы отдали дню всё, что могли. И в этом есть своя, суровая красота.

Иногда кажется, что весь день выстроился из зёрен, перемолотых в кофемолке: крепкий, горьковатый, но невероятно бодрящий. И в его завершении чувствуешь не просто усталость, а глубокое удовлетворение, как от хорошего, крепкого американо.

И вот ночь вступает в свои полные права. Горячий островок в руках постепенно остывает, сдавая градус градусу ночи. Но это не поражение. Это – переход в другую фазу медитации. Последний глоток уже не обжигает, он тёплый, почти ровно настолько, сколько нужно, чтобы не спугнуть рождающиеся в тишине мысли. Они плывут медленно, как те самые клубы пара, только теперь не в воздухе, а в сознании. Обрывки фраз, полувоспоминания, невесомые идеи – всё это поднимается со дна уставшей души, чтобы наконец-то быть замеченным. Днём им не было места в грохоте дел, теперь же они мягко всплывают в безмолвии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.